

Читай
Россию

НОВОСИБИРСКАЯ
ОБЛАСТЬ

АННА ЛУНЁВА
НАТАЛИЯ КОЛМАКОВА

ЧЕРНАЯ ИЗБА

МИОО

Телефон противно зудел в кармане расстегнутой ветровки. Катя сидела сторбившись на мокрой от недавнего дождя скамейке и тщетно пыталась игнорировать вибрацию на бедре. Когда мобильный после короткой паузы опять зажужжал, девушка, вздохнув, аккуратно подцепила его двумя пальцами за края — не принять бы случайно вызов! — и вытянула наружу. Конечно, опять мама... Четвертый раз за утро. Да сколько можно? Ну что она ей должна ответить?

Не поступила.

Да, этого можно было ожидать. Даже в родном Барнауле ее преподавательница по фортепиано, пожилая высохшая тетка, услышав, что Катя собирается покорять Новосибирск, презрительно скривила накрашенный рот.

— Консерватория? Да какая тебе консерватория, ты не с ума ли сошла? Ты что, не в курсе, что надо сначала в музучилище идти? А какое тебе музучилище, когда я тебе раз в минуту говорю не трясисти запястьями?

— А я на вокал! — храбрилась Катя. — Там даже без музыкального образования принимают, не то что с дипломом музыкальной школы!

— Ага, конечно, — скептически отозвалась Мария Андреевна. — Всех берут, кто по утрам в дýше поет. Кать, ты это брось! Если уж решила выбрать стезю музыканта (услышав такое, Катя еле удержалась от хрюкающего

смешка), то подготовься хорошенько, потом сдай выпускной экзамен как следует, а там уже подавай документы в АГМК...

Катя не собиралась идти в АГМК. Серое унылое здание на соседней с домом улице ничем ее не привлекало. К тому же эдак придется еще несколько лет жить в опостылевшей двушке вместе с мамой и братом-девятиклассником, отжавшим себе хоть и проходную, но отдельную комнату. Катя и мама обитали в оставшейся: мама спала на диване, Катя — на раскладном кресле. Кате вечно было душно, маме — холодно. Макс часами занимал сортир, а на кухне было так мало места, что есть приходилось по очереди.

То ли дело консерватория! Даже звучит серьезно, впечатляюще. Екатерина Чернова — студентка консерватории! Катя вертелась перед зеркалом в узкой темной прихожей, так и сяк примеряя к себе этот статус. То убирала длинные каштановые волосы за спину и изгибалась в томной позе, то собирала хвост, перекидывала его на лоб и туманно смотрела на себя из-под импровизированной челки. Настоящую мама ей не разрешала. «Ой, Катюха, страдаешься потом с этой челкой, девчонки стригут — а потом всю жизнь плачут, отрастить не могут». Катя не верила, но стричь сама не решалась, а денег на парикмахера мама не давала.

Мама и в Новосибирск ее долго не хотела отпускать. Это ж целых сто километров на поезде, а город-то какой большой — миллионник! Мало ли что? Когда стало понятно, что от своей мечты Катя не отступится, мама вздохнула и собралась сама везти ее на экзамены.

Но тут вмешался случай. Мама ушла в аптеку на ночную смену, Катя осталась ночевать у лучшей подруги Иры,

с которой они взхлеб обсуждали блестящее будущее после окончания школы (Ира поступала на факультет туризма и была уверена, что теперь уж точно объездит весь свет и выйдет замуж за иностранца). А Макс не придумал ничего лучше, чем позвать одноклассников и закатить дома вечеринку. Курили на балконе, чтобы квартира не пропахла дымом, горящий пепел сыпался вниз, прямо на соседкины веревки с бельем...

Утром маму, только что пришедшую с работы, вызвали в отдел по делам несовершеннолетних. Вернулась она красная и злая, надавала напуганному Максиму затрещин и голосом гремучей змеи пообещала, что теперь-то он без присмотра ни на полчаса не останется. Из школы его будет забирать бабушка — на смех всему классу, — и ночевать ему тоже придется у нее, а гулянки в выходные заменит чтение книг по школьной программе и давно задуманный мамой ремонт. В эти грандиозные планы поездка в Новосибирск не вписывалась, и мама скрепя сердце позволила Кате первое в ее жизни самостоятельное путешествие.

До вступительных экзаменов Катю допустили, в общежитие поселили, и сольфеджио она определенно сдала хорошо. Но уже в коридоре, у экзаменационного класса, слушая выступления других абитуриентов, она поняла, что затея с самого начала была провальной. Да, ее голос хвалили мама и бабушка, и Катя, самостоятельно освоившая гитару, даже срывала аплодисменты, исполняя радиохиты в кругу друзей, но... Здесь было нужно совсем другое. Стискивая потные ладошки в кулаки, она пропела любимый бабушкин романс, выполнила требуемые задания и выскочила из класса, даже не запомнив лиц экзаменаторов.

Закрывая за собой дверь, она услышала женский голос:

— Галина Евгеньевна, а справку от фониатра эта Чернова приносит? Где? Дайте-ка посмотрю... Ну какое «годна», что за коновалы там у них в Барнауле сидят? Ну связи же не смыкаются, какой тут может быть вокал? Зачем гоняли девушку за сто верст? Звукоизвлечение...

Наивная надежда на то, что ей все-таки дадут шанс, не оправдалась. Спустя несколько дней, ранним утром, Катя стояла перед вывешенными на двери списками поступивших и не находила своей фамилии. Буквы Ч вообще не было: после Харламовой О. Г. сразу шел Яшкин Л. С. Катя на всякий случай перечитала весь список. Дважды. Трижды. Нет.

Яркое солнце пробивалось сквозь покрытую мелкими капельками листву. На рассвете прошел дождь, и скамейка в парке была все еще мокрой, когда Катя, ватная от какой-то внезапной усталости, приземлилась на нее и ссутулилась, обняв голову руками. Образ студентки консерватории уплывал вдаль, таял в тумане. Оставалась растерянная и несчастная Катька-авантюристка — как дразнится бабушка.

«Авантюристка ты моя, — ласково скажет баба Зоя и взъерошит Катины волосы сухой морщинистой лапкой. — Все-то у тебя не как у людей». Мама только тяжело вздохнет и велит на будущий год поступать в медицинский, как до этого и планировалось. «И будет у нас династия», — невесело думала Катя, вертя в руках замолчавший ненадолго телефон. Фармацевт Екатерина Чернова. Тут стриги челку — не стриги, все равно полжизни проведешь в белом колпаке. Еще и Макса небось навялят — следи теперь за его уроками, друзей из подъезда гоняй, будто других забот нет! Знакомые смеяться будут. Певица

из погорелого театра! Все небось поступили в институты, одна она как самая тупая...

Поток невеселых мыслей прервало появление компании подростков. Две девчонки и один парень, все года на два-три помладше Кати. Они уселись на соседнюю лавку, смахнув с нее капли, и синхронно достали сигаретные пачки. Послышались щелчки зажигалок, вонючий дым поплыл в Катину сторону. Она сморщилась и уже собиралась встать и уйти...

— Не поступила?

Катя вздрогнула, обернулась. Парень обращался не к ней.

— Не поступила, — спокойно кивнула одна из девчонок. — Ну, она не особо и надеялась, что поступит. У ней средний балл — четыре и два, а проходной — четыре и шесть.

— И че она?

— Да ниче, пошла в колледж.

— Ветеринарный?

— Ну да. А че?

— Да ниче. Хвосты коровам крутить?

Вторая девчонка рассмеялась. Катя жадно прислушивалась. Она почему-то никогда не думала, что можно стать кем-то, кроме певицы и фармацевта. Вот бабушка еще — она была учительницей, но учителям мало платят, и дети нынче пошли вредные...

— Сам ты корова! Знаешь, сколько сейчас ветеринары получают? И работа у них всегда есть! А ей и стипендию, и общагу дали, комната классная такая, я фотки видела! Там даже экзаменов нет, аттестат принеси, собеседование пройди — и готовый студент! Три года отучится — и иди

работай! А в городе вон, все ветеринары на джипах ездят. Как думаешь почему? Да потому что тут народ над своими чихуями и мопсами аж трясется, бешеные деньги отваливают за... ну... за лечение прыщика на морде!

Катя, не в силах больше сдерживаться, придвинулась ближе к ним:

— Скажите, пожалуйста, а где находится этот колледж?

— А? — Все трое повернулись. На лицах было написано непонимание.

— Ну, ветеринарный, — пояснила Катя, немного покраснев. — Мне тоже надо.

— Э-э-э, ну, где-то там... за барахолкой, — неопределенно махнув рукой, пояснила одна из девочек.

— Далеко?

— Далеко. Ты что, не местная?

— Нет, — призналась Катя.

— Ну, тогда вон... трамвайная остановка, там до барахолки, до конечной. От барахолки идет автобус, номер не скажу, потому что не помню. Там биатлон, потом кладбище... Или наоборот... Ну, короче, тоже конечная. И там эта шарага будет, сразу на пустыре.

— А номер трамвая не подскажете, случайно?

— Да он тут один, — фыркнул пацан. — Тринадцатый, счастливый.

— Спасибо большое!

Катя поднялась со скамейки, чувствуя спиной напряженное молчание. Когда она отошла шагов на пять, тишину снова взорвало гыгыканье. Но Катю это уже не волновало. Ее вообще мало что волновало, когда в голове складывался четкий план.

Путь от скамейки до ветеринарного колледжа занял два с лишним часа. Наверное, Катя могла бы управиться и быстрее, но заблудилась на огромном, размером с целый район, вещевом рынке, который ребята называли барахолкой. Она просто хотела взглянуть хоть одним глазком на такое интересное и необычное место и не меньше сорока минут проблуждала в тесных проходах между палатками с джинсами и сумками, поддельными духами и горячей самсой, пока какая-то сердобольная тетка не вывела ее на остановку.

Катя несколько минут стояла на крыльце, пытаясь успокоиться и сообразить, что говорить приемной комиссии. Потом взялась за ручку, потянула тяжелую деревянную дверь и оказалась в совершенно пустом на первый взгляд здании.

Нагретую жарким полуденным солнцем улицу сменили холод и сырость. Голубые стены, видимо, были выкрашены совсем недавно: в воздухе еще чувствовался запах масляной краски. Гардероб прямо напротив входа был закрыт. Стул — наверное, предназначавшийся для вахтера — одиноко стоял в углу. Слышно было только жужжание мухи, бившейся в высокое окно где-то под потолком. И куда же идти?

В глаза бросился припиленный к закрытому окошку гардероба белый лист бумаги с красной стрелкой. Жирные черные буквы внутри стрелки складывались в надпись: «ПРИЕМНАЯ КОМИССИЯ ВТОРОЙ ЭТАЖ». Сбоку простой синей ручкой было добавлено: «Кабинет 206». Катя на цыпочках, стараясь не шуметь, прокралась к лестнице. Муха ненадолго смолкла, а потом зажужжала еще громче.

На втором этаже было светлее и теплее. Слышались звуки радио и невнятные голоса, ноздри щекотал запах кофе, где-то пискнула микроволновка...

— Девушка, вы к кому?

Катя чуть не подскочила от неожиданности. Из боковой двери внезапно появилась высокая худая блондинка в светлой юбке и накинутом на плечи черном кардигане. В руках она держала растрепанную папку, на картоне черным фломастером толсто написано: «В-21». Катя никогда не видела, чтобы прическа у живого человека была настолько идеальной: ни одна волосинка не торчит, не выбивается из тугого узла на затылке.

— Я... я поступать! — замялась Катя. — А куда мне?

— Кабинет двести шесть. — Голос у женщины был чуть хрипловатый, не вязался с ее идеальной, почти модельной внешностью.

— Да, с-спасибо... А где это?

Блондинка молча приподняла тонкие угольно-черные брови и взглядом указала в ту сторону, куда Катя как раз и направлялась. Чувствуя неловкость, Катя еще раз поблагодарила женщину и быстро пошла по коридору, уже не стараясь приглушать шаги.

Дверь кабинета номер двести шесть была открыта. Катя постучала по косяку и вошла. В просторной угловой комнате было даже жарко — солнце било прямо в незащотренное окно. Возле окна на офисном стуле стоял грузный пожилой мужчина в синей рубашке. Пыхтя и ругаясь себе под нос, он боролся с заевшими жалюзи.

— Здравствуйте, я...

— Сюда, пожалуйста!

Обернувшись на голос, Катя увидела в углу кабинета большой стол, а за ним — женщину чуть старше ее мамы, лет сорока пяти. Два места сбоку от нее были свободны.

— Здравствуйте, — затараторила Катя, — я хочу поступить в ветеринарный колледж!

— Здравствуйте, тут такого нет. — Женщина улыбнулась. В ее черных волосах пробивалась седина, вокруг темных глаз залегли морщинки. В красивом лице было что-то неуловимо чужое: черты тонкие и резкие, как у северной костяной статуэтки. Засмотревшись, Катя не сразу поняла смысл ответа.

— Как нет?

Женщина подняла глаза на лист бумаги над столом. «Новосибирский аграрный колледж. Приемная комиссия», — прочитала Катя, и ее лицо залило краской. Да как же так! Сразу облажалась, даже аттестат не успела достать. Кажется, собеседование провалено не начавшись...

— Садитесь, пожалуйста!

Катя снова посмотрела на женщину, и та внезапно ей подмигнула. Окончательно смутившись, Катя плюхнулась на стул, поставила сумку себе на колени и дрожащими руками принялась копаться в ней в поисках документов.

— На какую специальность собираетесь поступать?

Катя наконец нащупала тощую пластиковую папку с аттестатом, медицинской справкой и прочими важными штуками и потянула ее за корешок. Бесполезно. Судя по всему, папка зацепилась за подкладку — и вот сейчас придется, извиняясь и краснея, вывалить все содержимое сумки прямо на стол перед этой элегантной дамой.

— На ветеринара... ой, то есть на ветеринарного врача, — поправились Катя, решив, что так будет выглядеть солиднее.

— У нас такого нет.

Катя, решив, что над ней издеваются, подняла глаза на собеседницу. Краешек папки выскользнул из вспотевших пальцев. Лицо женщины было совершенно серьезным, но Кате почему-то казалось, что она посмеивается — не обидно, не зло.

— У нас не готовят врачей-ветеринаров. Только фельдшер.

«А в чем разница?» — хотела спросить Катя, но устыдилась своего невежества. Вот сейчас точно скажет, что незачем сюда поступать, если даже почитать о колледже и будущей специальности не удосужилась...

— Для ветеринарного врача, — тем временем продолжала женщина, — требуется высшее образование, а для ветеринарного фельдшера — среднее специальное. В городскую клинику с таким дипломом возьмут только медсестрой. Но наши выпускники обычно востребованы в сельской местности. В любой деревне, на любой ферме, в любом большом хозяйстве нужен ветеринар. И там работа фельдшера ничем не отличается от работы ветеринарного врача, только животные другие — не морские свинки, кошки и собаки, а коровы, свиньи, овцы, лошади... К нам и учиться-то приезжают чаще всего по направлению из села. Вы к нам откуда приехали?

— Из Барнаула. — Катя почувствовала себя еще глупее, чем на прослушивании в консерватории. Господи, ну почему все так сложно? Теперь оказалось, что нужно какое-то направление. Свиньи, овцы, лошади...

— Разве в Барнауле не готовят ветеринаров? — удивленно спросила дама.

— Я... я не... Я вообще в консерваторию хотела поступать! — вырвалось у Кати. Скрежет и пыхтение из другого угла стихли — мужчина в синей рубашке снова возник в поле зрения и, протиснувшись за стол, уселся справа от Катиной собеседницы.

— Консерватория? А при чем здесь ветеринары? — Мужчина положил огромные руки на столешницу и навалился на нее. Та жалобно скрипнула под его весом. — У нас тут из предметов хирургия, патанатомия, фармакология, — загудел он, перечисляя.

— Я... я просто узнала, что здесь учат на ветеринаров... Я люблю животных...

Катя смущенно опустила глаза. Больше всего на свете ей хотелось вскочить и убежать. Никогда еще она не чувствовала себя такой неуместной и странной. Она кожей ощущала недоумение членов приемной комиссии и вполне понимала его: не знает названия учебного заведения, не отличает врача от фельдшера, зачем-то приперлась на окраину соседнего города, чтобы поступить на специальность, которую наверняка можно получить и в родном Барнауле... Еще и папка эта дурацкая!

— Меня зовут Елена Алексеевна, я директор этого колледжа, — мягко представилась женщина, протягивая руку к Катиной сумке. — Это ваши документы, так? Могу я вам помочь?

Она перегнулась через стол, высвободила кончик папки из вялой Катиной руки и потянула на себя. Папка легко выскользнула из сумки. Катя сидела ни жива ни мертва.

— Екатерина Андреевна, верно?

Катя молча кивнула, глядя, как изящные пальцы с аккуратно подпиленными ненакрашенными ногтями перебирают содержимое папки.

— Диплом музыкальной школы... У нас в актовом зале есть пианино, конечно, мы его даже иногда настраиваем... Справка о здоровье... Сколиоз, ВСД — ну, это у всех, это нестрашно... Аттестат... Средний балл четыре и три — очень неплохо... Иногородних мы, конечно, селим в общежитие, если студент изъявляет такое желание. Оно у нас небольшое, двухэтажное. На первом этаже парни, на втором — девушки, вахта находится у входа на лестницу, размещается. В комнатах живут по четверо, туалет и душ в конце коридора. В общежитии сухой закон, для курения нужно идти на улицу и отходить от здания не меньше чем на десять метров. В поселке имеется магазин с товарами первой необходимости, нет нужды постоянно выезжать в город, но если это по какой-то причине необходимо, то можно оформить студенческий проездной. Платного отделения у нас в колледже не предусмотрено — все студенты учатся бесплатно. При условии учебы на четыре и пять выплачивается стипендия, если будут одни пятерки — стипендию повысим. У вас, я так понимаю, неполная семья — значит, вам полагается еще и социальная стипендия. Раз в полгода можно писать заявку на материальную помощь, ее рассмотрит деканат. Для учебы потребуется купить белый халат, несколько пар перчаток, шапочку и защитные очки, но если в данный момент нет возможности, то разрешается пользоваться фондом клиники — у нас здесь есть собственная. А потом получите

матпомощь — и купите! — весело закончила Елена Алексеевна, наконец подняв глаза от Катиных бумажек.

Катя не понимала.

— Какие-то вопросы? — Мужчина сменил позу, отчего хлипкий офисный стол снова отчаянно закрипел.

— Н-н-нет... Я что, принята? — тупо спросила Катя у них обоих.

— Ну, если вы передумали... — начала женщина.

— Нет! Я не передумала! — Сердце бешено стучало, мозги отказывались переваривать полученную информацию, но реакция не подвела. — Я готова!

— Тогда берите и подписывайте, — усмехнувшись в курчавую черную бороду, сказал мужчина, протягивая Кате стопку распечаток.

Катя взяла листочки. На первом большими черными буквами было набрано: «Договор о предоставлении образовательных услуг».

— В верхней строчке — фамилия, имя, отчество в именительном падеже, серия и номер паспорта, кем выдан, дата выдачи, код подразделения. Потом на последней странице все то же самое в поле «реквизиты», дата прописью, подпись и расшифровка. Повторить дважды: один экземпляр нам — другой себе.

Катя, не читая, подписала оба экземпляра.

— Отлично! Согласие на передачу всей стипендии в фонд колледжа тоже есть, — ухмыльнулся мужчина, просматривая заверенные Катиной рукой бумаги.

— Что? — Катя побледнела.

— Да ничто! — Мужчина громко захохотал, не очень-то вежливо толкая в бок Елену Алексеевну. Та тоже рассмеялась,

заметив Катину растерянность. — Вот вечно подписывают не глядя, ни о чем не задумываются. Вот молодежь, а? А если бы я тебе и правда такой документ подсунул? Читать надо, что подписываешь! Так и квартиру уведут, и деньги, и еще черт знает что! Ладно, молодец, все грамотно подписала. И почерк у тебя красивый, будешь стенгазету готовить!

Катя кивала и моргала. Это собеседование совершенно сбило ее с толку.

— Приказ о зачислении будет готов двадцать пятого августа, но это, конечно, формальность, — снова спокойно заговорила Елена Алексеевна. — Заселение в общежитие — с двадцать девятого. Если хочешь выбрать комнату, советую приехать двадцать девятого с утра, а если решишь задержаться на выходные дома — придется брать что дают. Посуду и постельное белье нужно будет взять с собой. Еще советую взять свои подушку и одеяло, у нас очень старый фонд. Желаю хорошо провести лето и в сентябре благополучно приступить к учебе! Все!

— Все? — Внутри у Кати рос и ширился какой-то необъятный ком.

— Все! Не заблудишься? Выход налево и вниз по лестнице.

Мужчина встал, задев животом стол. Тот покачнулся, бумаги посыпались на пол и с шорохом разлетелись от сквозняка. Он охнул и присел на корточки, пытаясь все собрать.

— Нет-нет, не надо помогать, я сам! Идите, идите! — замахал он свободной рукой на Катю, которая, наклонившись, уже тянулась к документам. — Хорошей дороги!